

18+

ПО ТУ СТОРОНУ ЛЪДА

ОЛЪГА БОРИСКОВА И ТАТЪЯНА МИНАЕВА

**Ольга Борискова
Татьяна Минаева
По ту сторону льда**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65090447

SelfPub; 2021

Аннотация

Для всех они лед и пламень, искра и холодный ветер, идеальная пара на льду, и совсем чужие – вне его. Но кто они друг другу на самом деле? Тяжелая травма за месяц до Олимпиады может поставить крест на их спортивном будущем. Но когда жизнь что-то отбирает, она дает что-то взамен. И, может быть, это будет самым главным, что они могли получить от судьбы...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Борискова, Татьяна Минаева По ту сторону льда

Пролог

Марина оттолкнулась от бортика и резко, нервно поехала в противоположный угол. В пару подсечек пересекла каток. Остановилась лишь оказавшись в относительном уединении. Выдохнула, потёрла переносицу и обернулась. Ваня так и стоял возле тренера. Смотрел на неё. Она едва не зарычала.

И что он так смотрит?! Да, она снова на взводе, зато он... он как всегда спокойный. Спокойный, обходительный... Да чтоб его!

Вот так у них всегда – чуть что, Марина вспыльчивая и нетерпеливая, а Ванечка... А Ванечка агнец небесный. Сейчас – как обычно. Конечно, перья у них полетели исключительно по её вине. Исключительно. Потому что она, видите ли, не смогла вовремя взять себя в руки и успокоиться. А как она может успокоиться, если у них Олимпиада через две недели, а что-то постоянно происходит не так?! То подкрут через одно место, то поддержка косая, как Пизанская баш-

ня?! Ещё и соперники по сборной...

Она посмотрела на вице чемпионов России. Те рассекали лёд в другом конце катка. Мария Матрёхина со своим партнёром – высоким, широкоплечим... В последнее время она всё больше начинала действовать ей на нервы. В сущности, ничего особенного – ни какой-то сверхтехники, ни катания, а самомнение выше крыши. И ладно бы только эти. Ещё и следующие впритык за ними Липатова с Никольским. Вот те вообще звёзды звёздами. Знает она таких звёзд. На букву «п».

Раздражение, и без того сильное, стало ещё сильнее, когда она заметила, что Ваня направляется к ней. Выдохнула. Почему во всём вечно виновата именно она? Да, она максималистка, да, она придирается и к самой себе, и к нему. Вгрызается, ковыряется... Да, да и ещё миллион раз да. У них должно быть всё только лучшее – костюмы, образы, программы. Скольжение и техника. И сама она должна быть лучшей. И он должен быть лучшим.

Каждый раз, выходя на соревновательный лёд, она проверяла их костюмы, наносила на лицо макияж и тщательно укладывала волосы. Каждый раз она говорила ему, что любая мелочь имеет значение. Для неё. Потому что искренне так считала. А он отмахивался. Не всегда, но часто. Она вызвала у него желание отмахнуться. И раздражала его. Она всю жизнь его раздражала. И раздражает. И вот теперь снова. И снова, и снова...

Потому что лутц, которым они заменили тройной тулуп, перестал получаться, а времени до главного старта четырехлетки оставалось всё меньше и меньше. Но у китайцев – четверной выброс, у канадцев – космические компоненты, а у Липатовой четверной подкрут.

А у них лишь невероятное скольжение, опыт, скатанность, синхронность, чувство стиля, артистизм... Много у них всего, но этого может не хватить. И она отлично всё понимала. И Ваня, она точно знала, понимал. И тренер их понимал. И соперники тоже.

Спорт – та же лотерея. Один неверный шаг, и от счастья плачет кто-то другой. Но если не предпринимать попыток, к чему тогда вообще борьба? Только Ваня день за днём неустанно повторял, что им не стоит, что они не должны... И не только это. Много всего.

Она злилась, а он оставался спокойным. Спокойный, обходительный и надёжный! Как обычно! А она истеричная стерва. Как обычно. И как он её только терпит? Ах, да, у них же скольжение, скатанность, чувство стиля, опыт и ещё столько всего за плечами, что и не перечесать.

Подъехав к ней, он посмотрел сверху вниз, а затем, ничего не сказав, сделал небольшой круг. Марина выдохнула и поехала следом. Она может сколь угодно злиться, но разве это что-то изменит? Столько лет они уже вместе – рука об руку. И всегда вот так – слишком разные. Он – спокойный, она – взрывная. Она вспыхивает, а он гасит. Огонь и лёд...

Всё ещё раздражённая, она уже сама подъехала к нему и заскользила рядом. Молча. Оба знали – очередная ссора ничего не изменит. Потому что так у них уж повелось – ссориться и отпускать, а потом выходить на лёд. На льду они были идеальной парой, и за это болельщики прощали им даже то, что вне катка они – совсем разные. Потому что каждый свой прокат они превращали в волшебное действо. Страсть, нежность, любовь, боль...

Тренировочное время было слишком дорого для того, чтобы тратить его попусту, и уже через минуту они снова зашли на параллельный прыжок. Движение спиной назад, подсечка, другая, толчок опорной ногой.

Марина сгруппировалась. Раз-два-три... И вроде бы, докрутила. И вроде бы, всё было даже неплохо. А потом она почувствовала адскую боль. На мгновение в глазах у неё потемнело. Нет, не в глазах – потемнело само сознание.

Она даже не вскрикнула. Никакой крик, никакие слова не могли отразить хоть сотой доли того, что было сейчас в ней. Мечты, желания, надежды... Она чувствовала обжигающий холод льда и боль в правой ноге. Боль, исходящую от щиколотки и расползающуюся по телу, по внутренностям, проникающую в каждую клетку сознания, в каждое нервное окончание. Не такую, как при обычном падении, не такую, к какой она привыкла с детства. Эта боль была красной, как кровь, чёрной, как ночь. Она была приговором. И шанса на то, что приговор этот не придёт в исполнение, таяли с каж-

дым мигом её собственного осознания случившегося.

Сделав тяжёлый, глубокий вдох, она приподнялась на руках и постаралась подтянуть к себе правую ногу. Слезы, отчаянные, непрощенные, злые, застряли где-то в горле, так и не выступив на глазах.

Нет, это не просто растяжение, не просто ушиб или вывих. Что такое растяжения, ушибы, вывихи, она прекрасно знала. Разрыв? Или...

– Марина? – рядом с ней на одно колено присел Ваня. Взгляд у него был озадаченный, обеспокоенный, в глазах так и читался вопрос. Он коснулся её руки, но в ответ она нашла в себе силы лишь мотнуть головой.

– Прости, – сказала она, а потом совсем тихо, одними бледными губами, шёпотом: – Прости...

Он замер. Рядом блеснули лезвия ещё одних коньков, потёртые мысы чьих-то ботинок. Вокруг всё ожило, засуетилось. Что-то говорил Марк Александрович – тренер, ведущий их пару к вершинам с того самого момента, как они пришли к нему восемь лет назад. Марк Александрович, понимающий всё ничуть не хуже её самой. Растерянная и побледневшая Матрёхина тоже мельтешила рядом.

Марине помогли подняться, помогли добраться до борта, усадили на ближайшую скамью. Люди, люди, люди... Но она никого не замечала. В этом шуме, в этой беспокойной возне она оставалась одна.

Слёз не было. Не было их даже в тот момент, когда на ней

расшнуровывали конёк, когда высвобождали её ногу. Она лишь сцепила зубы и, когда врач, бережно ощупав щиколотку, поставил предварительный диагноз, прозвучавший, словно выстрел в голову: «судя по всему, перелом», слёзы так и не появились. Не появились они и тогда, когда она, подняв голову, попробовала отыскать среди прочих Ваню. Слёз не было. И Вани... Вани тоже не было. Но она знала, что позже слёзы обязательно появятся. А вот Ваня...

Потому что до Олимпиады меньше месяца, а у неё перелом. Потому что Матрёхина поедет на Олимпиаду. И Липатова поедет. И китайцы, и немцы, и французы, и канадцы... И всё будет. У всех всё будет. У всех, кроме них. Потому что до Олимпиады – считанные дни, а у неё... у неё перелом.

Глава 1

Февраль

Она хотела сбежать. Скрыться от всего мира, спрятаться на необитаемом острове, на другом конце света. Чтобы никто никогда не нашел. Никто и никогда.

Видеть в глазах людей жалость – это было выше её сил. Ненавидела, когда жалеют. Когда ЕЁ жалеют, ненавидела! На звонки не отвечала. Хотела вообще выключить телефон, но могла позвонить мама, или Марк Александрович, или... Ваня, в конце концов. Только вот Воронов вообще не появлялся после той злосчастной тренировки. Ни в больницу к ней не приехал, ни после. Гордость какая-никакая, а осталась.

В телефоне висели несколько сотен смс со словами поддержки от коллег, друзей и просто знакомых. Но ни одной от Ивана. А она, если уж быть честной, и не ждала. Он считал, наверное, что зря столько лет терпел её. Думал, что с ней станет Олимпийским чемпионом, не слушал советов друзей, желающих ему лучшую партнершу. Переживал с ней травмы, ждал её. И все ради Олимпиады... И какая ирония – все его мучения привели лишь к тому, что они сейчас в Москве, а не Пхенчхане. А если бы ушел и встал в пару с новой партнершей – уже сегодня выходил бы на лед с короткой программой в Канныне.

Завернувшись в плед, Марина перехватила костыль и кое-

как проковыляла на кухню, щелкнула кнопку на чайнике и уселась на подоконник. Прислонившись затылком к прохладному стеклу, закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Вся её жизнь – борьба. Борьба с самой собой, с окружающими, с бесконечными травмами. И все это она смогла преодолеть. Но как?! Как не сломаться, когда до мечты остаётся всего лишь шаг, а потом... пустота? На своей первой Олимпиаде в Сочи они заняли обидное четвертое место. Тогда были слёзы, злость, недовольство собой, обиды, обвинения... А потом они решили идти дальше. Решили, что раз не получилось дома, в России, обязательно получится в Корее. Готовились, работали, упорно шли к цели. А теперь... Ничего не осталось. Ничего.

Ей все так надоело. На душе скребли кошки, было больно и все равно одновременно. Кость сломана, диагноз врачей оставляет место для будущего, но.... Идти на следующий Олимпийский цикл – это самоубийство. Кто даст гарантию, что в конце следующей четырёхлетки снова что-нибудь не случится? Лёд скользкий. Да и возраст... Ей уже двадцать семь, Ване – двадцать девять. А к играм в Пекине... Об этом даже думать не хотелось. Молодёжь уже сейчас на пятки наступает... И ведь есть она – совершенно обычная жизнь! Жизнь без постоянной боли, без синяков и вечных ссадин! Жизнь, наполненная встречами с друзьями, какими-то другими, совершенно далекими от фигурного катания делами. Есть же! Есть!..

В очередной раз пропиликал телефон, давая знать о входящем сообщении. Марина достала мобильник из кармана толстовки и посмотрела на экран. Марк Александрович. Тренер интересовался, как она. Марина криво усмехнулась и написала в ответ: «Жива. Собираюсь пить чай». Отправила и продолжила сидеть с зажатым телефоном в руке, пока не пришло сообщение.

«Все еще будет. Не падай духом! Мы справимся со всем».

«Ничего уже не будет. У меня нога сломана. Все там, а я тут. Это конец, Марк Александрович. Я больше так не могу».

«Марина, не руби сгоряча. Я приеду и поговорим».

«Я все решила. Какой смысл всех мучить? И вас, и себя, и Ваню? Пора заканчивать».

Только когда Марина это написала, перечитала и отправила, внутри вдруг пришло осознание, что это действительно конец. Конец их с Ваней паре, конец их совместным мечтам о личном золоте, конец бесконечным ссорам, конец всему...

Чайник закипел и выключился, выводя её из раздумий. Марина сползла с подоконника, налила чай и отправилась в комнату.

По телевизору началась короткая программа пар на Олимпийских играх. Она поставила чашку на журнальный столик, сама забралась с ногами на диван, положила голову на подлокотник и, нащупав под боком пульт, отключила звук. Достаточно мазохизма и без комментаторских реплик.

Пары в гробовом молчании сменяли одна другую, радо-

вались и плакали в «kiss and cry», а Марина в какой-то про-
страции наблюдала за этим действием, не отрывая взгляда от
экрана. На душе было пусто. На телефон снова пришла смс,
но она даже не пошевелилась – все, что хотела, она сказа-
ла. И её решение не изменится. Хватит. Ещё в больнице она
сказала тренеру, что это, похоже, конец, а теперь лишь укре-
пилась во мнении. К чему? К чему всё? Всё равно её дороги
ведут в пустоту.

Постепенно изматывающие мысли вытянули из неё по-
следние силы, и она уснула еще до выступления ведущих
пар. Этот мир скоро перестанет быть для неё единственно
важным, поэтому какая разница, кто займет первое место?..

Марина не сразу поняла, что происходит. Открыла глаза,
за окном было еще темно. Или уже темно? Сколько она про-
спала? Голова была тяжелой, шея затекла. На столике разры-
вался в режиме «вибро» телефон, а в дверь дубасили с за-
видным упорством. По телевизору, все так же без звука, шел
какой-то сериал.

Немного придя в себя, Марина села, опустила ноги на пол
и потянулась – тело затекло и ныло так, будто её накануне
избили битами. Телефон продолжал «танцевать» и гудеть.
Она подняла его и едва не выронила снова. Звонил Ваня.

– Я думала ты мой телефон уже стер, – без предисловий
заявила Марина, ответив на звонок.

– Я его наизусть помню, – последовал бесстрастный от-

вет. – Дверь открой.

– Так это ты, – вздохнула она и, отключив вызов, бросила мобильный на диван. Вздохнула и поковыляла открывать. Проходя мимо зеркала в прихожей, глянула на себя и ужаснулась – видок был не ахти. Но кому какая разница?

Отперла дверь и увидела партнера. Воронов выглядел не лучше. Те же круги под глазами, свидетельствующие о бессонных ночах, всклокоченные на макушке тёмно-каштановые волосы и взгляд... Марина нахмурилась. Воронов был зол. Что она опять не так сделала?

Смерив её угрюмым взглядом, он вошел в квартиру и захлопнул за собой дверь.

– Я тебя не приглашала, – сложив руки на груди, проговорила Марина, наблюдая за тем, как Ваня снимает пальто.

– Мне не нужно твое приглашение. – Иван повесил куртку на вешалку, затем скинул ботинки и прошел в комнату.

– Извини?.. – Марина прошла следом и встала в дверях. – Я не ослышалась, Вань?

– Знаешь, что, Казакова?! – резко повернувшись, Иван остановился в нескольких шагах от Марины и заговорил: – Я всегда шел у тебя на поводу! Я всегда прислушивался к твоему мнению и наступал себе на горло, лишь бы сохранить нашу пару. Я терпел тебя десять лет, и ради чего? Ответь мне, пожалуйста, Марина!

Марина едко ухмыльнулась. Так вот зачем он пришел. Обвинить её в том, что она ему жизнь разрушила. Ну что ж –

его право.

– Ну что ты молчишь? – Ваня сделал еще шаг к ней и заглянул в глаза. – Тебе же всегда есть, что сказать! А теперь молчишь?

– А что мне тебе ответить? – продолжая кривить губами, пожала плечами Марина. – Что вся твоя жизнь, все твои цели и мечты под откос покатались из-за меня?! Знаю, что из-за меня! Я во всем виновата! Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Прости? Так я ещё там сказала, на проклятом льду. Ещё раз сказать? Ну прости! – Развела руки в стороны. – Прости меня, только это ничего не изменит уже. Все, что было – уже было. Настоящее – вот оно, наше настоящее! А нового уже не будет... – Её глаза наполнились болью. – Прости... – совершенно искренне произнесла Марина.

Он стоял перед ней, осунувшийся, обросший, похудевший, родной... Они же столько лет вместе. Она знает о нем все – его размер обуви, одежды, что ему нравится из еды, чем любит заниматься в свободное время... Они давно превратились в близких людей. Не друзей, но между ними было нечто большее, чем дружба. И от этого вдвойне больнее – что он винит во всем произошедшем её.

Ваня окончательно сократил расстояние, разделяющее их. Марина снова скрестила руки на груди, словно защищаясь. Он стоял так близко, что пальцами она ощущала мягкую ткань его рубашки.

– Ты не посмеешь, Марина, – неожиданно тихо, практи-

чески шепотом, произнес он.

– Что? – посмотрела на него непонимающе. О чем он вообще?

– Ты накаталась? Надоело все? Достало фигурное катание? Карьеру решила завершить?

Ах, вот оно что! Быстро же слухи разошлись...

– Сам понимаешь...

– Не понимаю, Марина! Не понимаю я! Ты не посмеешь, ты будешь кататься до тех пор, пока я не выиграю Олимпийские игры! – стальным голосом проговорил Воронов, не спуская с Марины требовательного взгляда.

– Можешь и без меня.

– Не могу! – воскликнул он. – Без тебя не могу! Да и не хочу я, черт тебя дери! – Он обхватил Марину за плечи и встряхнул. – Что с тобой? Решила сдать? Марина Казакова решила белый флаг поднять?! Я тебя не узнаю...

– У меня все равно ничего не получается! Надоело все! Не хочу больше! Хватит! – в её голосе звенели слезы. – Вань, я не могу больше... – просипела она и подалась к нему, упираясь головой в его грудь. Он тут же притянул её к себе и крепко обнял.

– Не сдавайся, Марина. Нельзя уходить. Не сейчас. Не так...

– А как? Все, к чему мы шли, обернулось в прах... А если снова за месяц до Пекина какая-нибудь лажа произойдет?.. Я не переживу второй раз так... Не смогу, Вань!

– Не произойдет. Всё будет хорошо, Мариш... Ногу твою подлечим, потихоньку начнём восстанавливаться. Главное, чтобы здоровье было.

– Нет, – настойчиво покачала она головой. – Я приняла решение. Хочешь кататься – катайся с другой партнершей, я не хочу больше.

– Посмотри на меня. – Ваня отстранил её, но объятия не разомкнул. Поймал полный невыплаканных слез взгляд и прошептал: – Останься ради меня... Катайся ради меня. Со мной. У нас ведь столько всего... Не всё бывает идеально, но мне другая не нужна. Что бы я ни говорил, у нас все получится... Не сдавайся.

– Почему ты так уверен в этом? – Слезы-таки потекли по её щекам.

– Потому что мы вместе, – мягко улыбнулся Ваня, вытирая с её лица солёные капли. – Я не хочу заканчивать. Мы с тобой столько всего не сказали, не показали миру. Никто еще нас настоящих не видел. Дай им всем шанс увидеть, прошу тебя.

– Ты готов терпеть меня еще четыре года? – с сомнением спросила Марина, прерывисто вздыхая.

– Хоть целую вечность.

– Почему?

– Давай я об этом тебе расскажу как-нибудь потом, хорошо? – В глазах Вани была такая непоколебимая вера в неё, в них, что Марина снова прильнула к нему. Обхватила его

широкие плечи. Воронов поцеловал её в макушку и погладил по волосам. – И прости, что не пришёл раньше.

– Лучше поздно, чем никогда, – усмехнулась Марина. – Где ты был все это время?

– Мне нужно было подумать.

– И что же ты надумал, мой дорогой партнер?

– На следующий сезон будем ставить программу под «Агату Кристи», – выдал Ваня, Марина в ужасе отстранилась, и только поймав его искрящийся взгляд, прыснула со смеху.

– Как скажешь!

– Ты согласна?

– Желание партнера – закон! – подняла большой палец вверх и снова засмеялась.

Ей снова захотелось дышать. Вместе с Ваней. В унисон. Как предыдущие десять лет. Несмотря ни на что. Несмотря на разногласия, ссоры, несхожесть характеров и вечные придирки друг к другу. Как в это самое мгновение. Как в будущем. В их совместном будущем...

– Что врачи говорят? – спросил он уже более серьёзно, но всё равно с улыбкой.

– А ты разве ещё у Маркуши не выведал? – Марина, опираясь о костыль, дошла до чайника, налила воды и включила. – Садись, хоть чаем тебя напою.

– Узнал. Но хочу услышать всё ещё раз от тебя. – Он пошёл к холодильнику, открыл, осмотрел полки и с недоволь-

ством обернулся на Марину. – Ты что-нибудь вообще ешь?

– Садись, сказала. – Она достала большую чашку и кинула в неё сразу два чайных пакетика. Знала – утром он любит крепкий, сладкий, с гренками или ванильными сухариками. Только вот у неё ни гренок, ни сухариков... – Перелом не тяжёлый, но восстановление займёт время.

Она наконец перестала возиться с посудой и в упор посмотрела на Ваню. Он подошёл, приобнял её и подвёл к табуретке. Помог усесться и сам занялся чаем.

– У тебя перелом, – спокойно проговорил он. – Само собой, что восстановление займёт время. Думаешь, я не понимаю?

– Не знаю, – на выдохе призналась она и устало потёрла лицо ладонями. – За эти дни я столько передумала... Меня как будто выбросило за борт.

– Не тебя одну. – Он поставил перед ней чашку и сам присел рядом.

– Да-а, прости.

– Перестань. – Ваня положил ладонь Марине на колено. – Есть какие-то планы?

– Я думала про Германию... – призналась она. – Но потом решила...

– Езжай в Германию, – поняв, о чём она собирается сказать, перебил Воронов. – Там хорошие врачи. Сама знаешь.

– Знаю, – Марина невесело усмехнулась и отхлебнула чай. Потом указала на угловой шкафчик. – Сухариков нет, но есть

пшеничные отруби и льняные сушки. Ещё гречневые хлебцы.

Иван мученически скривился. Это было так забавно, что она не сдержала смешок. Снова отхлебнула чай. Горестно вздохнув, Ваня-таки встал с табурета и, открыв нужный шкафчик, вытащил сразу и сушки, и отруби, и хлебцы. Вывалил всё на стол, зачерпнул горсть сушек и обратился к Марине:

– Кажется, я понял, почему у тебя такой отвратительный характер.

Марина только усмехнулась. Потянулась к нему, забрала пару сушек и демонстративно захрустела.

Германия... Вектор пути выбран. У неё снова есть цель. Цель. У них есть цель. Она не одна. А это значит, что всё только начинается.

Глава 2

Март

На город плавно опускались сумерки. Налив в бокал немного белого вина, Марина забралась с ногами на постель и включила ноутбук. Экран приветливо засветился, начала загружаться система, и спустя несколько мгновений она увидела привычную заставку. Сделала маленький глоток Шардоне и щелкнула по значку браузера. Тут же открылось несколько вкладок, которые она свернула только пару часов назад, и первой из них была, конечно же, ее страничка в соц-сети.

В Германию она улетела через день после разговора с Ваней, и с тех пор они не виделись. Зато переписывались. Это было странно. Странно... Ради этих переписок она завела фейковый аккаунт. Не хотела, чтобы кто-то увидел его у неё в друзьях? Боялась, что страницу взломают? Пожалуй. Так было спокойнее и свободнее. Потому что прежде в друзьях у неё его не было, а перемены тут же заметили бы. Заметили бы и стали обсуждать.

Когда всё это началось? С того разговора на кухне или раньше? Их отношения всегда были не такими, как у всех. Она – взрывная, нетерпеливая, он – спокойный, надёжный. А было ли ещё что-то? Марина не знала. Оглядывалась назад и не могла разобрать. В последнее время всё стало каким-то

натянутым, будто бы сами отношения между ними натянулись, а вот теперь...

Как ни странно, стало легче. Несмотря на травму, несмотря на пропуск Олимпиады и крах всего, к чему они шли. Они разговаривали. Пусть только в переписках, но разговаривали, и она постепенно вспоминала прошлое. Время, когда они только-только встали в пару, когда всё было просто и понятно, когда они ещё не ставили перед собой столь глобальных целей. Были у них и хорошие дни. Много хороших дней – смех, улыбки. Были же. Так куда всё это делось? И смогут ли они вспомнить? Или начать заново? Заново, но уже взрослыми, сегодняшними? И что именно начать?

Марина обновила страничку. Она следила за новостями, просматривала новые фотографии. Ваня всегда вёл более публичную жизнь, чем она. Делился с болельщиками, с друзьями, со всем миром. Красивый. Глаза карие, как и у неё, только чуть светлее. Тёмные волосы, квадратный подбородок, широкие скулы, прямой нос. А у неё вздёрнутый. Ваня всегда казался ей более красивым, чем она сама. Особенно её нос – ужасный. Просто ужасный! А в нём всё как надо. И нос, и губы, и глаза... Только на последних фотографиях щетина слишком уж отросла. Пора побриться. Но она в Мюнхене, а он в Москве, а кроме неё ему никто об этом не скажет. Потому что так повелось – она всегда говорила. И костюмы перед выходом поправляла она. Всегда.

В тематических группах в соцсетях бурлила жизнь. И их

пару, конечно же, тоже полоскали. Вдоль и поперёк. Приписывали всё: правду и неправду, то что есть и то чего нет. Нет и никогда не было. Читая выдвигаемые болельщиками «теории заговоров» Марина была готова то плакать, то смеяться. И снова Матрёхина. Матрёшка... Ну куда же без неё? И без Липатовой? Каждую фотографию болельщики умудрялись превратить в сюжет бразильского сериала. Рассмотреть не рассматриваемое и увидеть то, что увидеть было в принципе невозможно за неимением оного. Покажи им тень, а уж они нарисуют. Не соскучишься... А чем ей ещё себя развлекать?

Занятия с физиотерапевтами, осмотры, рекомендации... Она понимала – всё это необходимость. Каждый день – ещё один кирпичик в фундамент её будущего. Их будущего. Но как же ей надоело. Пока она тут, в Мюнхене, он в Москве. У неё – вид из окна и бесконечные мысли, у него – тренировки в одиночестве. А скоро чемпионат Мира и Милан, где они тоже должны были выйти на лёд со своими программами. Должны были. Должны. Если бы... Если. Ваня сказал, что поедет в Милан помогать Марку Александровичу. Что же... А она... Она будет собирать кирпичики. Кирпичик к кирпичику. Но пока мысли были о другом. Что всё-таки между ними происходит? И происходит ли что-то? Ведь они знают друг друга уже столько лет...

Шесть друзей в онлайн... Сделав еще один глоток, Марина дотянулась до телефона и набрала короткое смс, а за-

тем вышла из своего профиля и сразу же зашла во второй аккаунт.

Маришка Хорошая: Ты уже тут?

Маришка Хорошая: Ты меня игноришь?

Маришка Хорошая: А у меня шардоне))))

Иван Москвич: Я тут, значит, вкалываю, а у тебя шардоне?!

Маришка Хорошая: Видела я, как ты там вкалываешь!

Иван Москвич: Не понял?!

Маришка Хорошая: И как тебе с Матрёшкой катается?

Иван Москвич: Так же, как и с Липатовой. (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: А я думала, ты на Липатовой жениться собираешься... М-м-м...

Маришка Хорошая: Значит, Матрёшка, Липатова... А Малахову там еще не опробовал?

Иван Москвич: Хм... Слушай, хорошая идея!

Маришка Хорошая: Я те дам идею!!!!!!

Маришка Хорошая: Зато какие программы у вас были бы... Страстные! Она – амёба, ты джентльмен... Латина! Нет... лучше танго!!!

Маришка хорошая: (смайлик, закатывающий глаза)

Маришка хорошая: Ты где???

Маришка хорошая: Ваняяяяя!!!!

Иван Москвич: ...

Иван Москвич: Без комментариев! (кричащий от ужаса

смайлик)

Маришка Хорошая: Я сегодня по группам в соц. сетях по-ходила...

Иван Москвич: И как оно там?

Маришка Хорошая: Круто! Говорю ж: ты теперь катаешься с Матрёшкой.

Маришка Хорошая: А я в депрессии. Глубокой.

Иван Москвич: М-м-м...

Иван Москвич: То есть, тебя никто не хочет? (три смеющихся смайлика)

Иван Москвич: Обиделась?

Иван Москвич: Да ладно тебе, Мариш...

Иван Москвич: (три розочки)

Иван Москвич: (пять красных сердечек)

Телефон завибрировал, а затем пикнул, извещая о пришедшем смс. Она открыла сообщение, прочитала, подлила в бокал вина и снова устроилась перед ноутбуком.

Маришка Хорошая: Я тут решила написать всем, кто меня хочет. Так что чао. (смайлик, посылающий воздушный поцелуй)

Иван Москвич: Вот только попробуй!

Маришка хорошая: А что мне будет? (пять смеющихся смайликов). Вы с Машенькой отличная пара!

Иван Москвич: Какая же ты все-таки...

Маришка Хорошая: Какая?

Иван Москвич: (усмехающийся смайлик)

Маришка Хорошая: Та-а-ак... И кто там у нас первый в списке?..

Иван Москвич: Ну ладно уж тебе... Как себя чувствуешь?

Маришка Хорошая: Хорошо. Знаешь... Тут тепло, солнышко было сегодня, весна.

Иван Москвич: У нас тоже сегодня солнце было.

Маришка Хорошая: Кстати, тебе побриться пора. Что за ужасные фотки??? Не позорь меня!!!

Иван Москвич: (Смайлик, закатывающий глаза)

Иван Москвич: Слушай, Казакова, оставайся в своей Германии, а?

Маришка Хорошая: Пфф...

Маришка Хорошая: Я тебе серьезно говорю.

Маришка Хорошая: Выложи видюшку какую-нибудь с тренировки. Я соскучилась.

Иван Москвич: По тренировкам?

Маришка Хорошая: По ним тоже.

Маришка Хорошая: Но вообще-то, по тебе.

Иван Москвич: Я по тебе тоже соскучился. Ты когда вернешься?

Иван Москвич: Как твоя нога?

Маришка Хорошая: Да так же, Вань. Врачи говорят, что главное – не форсировать. Так что я целыми днями дурую маюсь. Музыка слушаю, книжки читаю... Сегодня вот в парк правда ходила.

Иван Москвич: Шардоне пьешь... (подмигивающий смай-

лик)

Маришка Хорошая: Не без этого (широко улыбающийся смайлик)

Иван Москвич: Возвращайся уже, а? Ну правда, Маришк. Тошно без тебя.

Маришка Хорошая: То оставайся, то возвращайся... Определился бы ты уже!

Иван Москвич: Я уже десять лет назад определился. (три красных сердечка)

Маришка Хорошая: Скоро вернусь. Только все равно видюшку выложи.

Иван Москвич: Ладно, так уж и быть. (подмигивающий смайлик)

Иван Москвич: Сама бы хоть что-нибудь выложила. Хоть посмотреть на тебя.

Маришка Хорошая: Насмотришься еще.

Маришка Хорошая: Хочу, чтобы ты сильнее соскучился. (красное сердечко)

Иван Москвич: Да уж куда сильнее... (задумчивый смайлик, грустный смайлик, плачущий смайлик)

В коридорчике послышался шорох, и Марина, подняв голову, громко крикнула:

– Мам, ты?

– Ну а кто еще? – На пороге комнаты возникла женщина средних лет и, оценив обстановку, улыбнулась. – Отдыхаешь?

– Ага.

– Опять с Ваней переписываешься?

Марина улыбнулась, но ничего не ответила.

– Будешь вино?

– Позже. – Женщина неопределенно махнула рукой. – Я пока к себе пойду. Буду нужна – зови.

– Хорошо.

Маришка Хорошая: Мама пришла.

Иван Москвич: Привет ей передавай.

Маришка Хорошая: Ок.

Маришка Хорошая: Вчера закат был очень красивый.

Маришка Хорошая: Третий бокал...

Маришка Хорошая: Ва-а-ань!

Маришка хорошая: Хнык.

Иван Москвич: Тебе не стыдно дразниться?

Маришка Хорошая: Вообще-то, я в депрессии. Не забыл?
(три смеющихся смайлика)

Иван Москвич: Ничего, Маришк. Сейчас видюху выложу,
и в твоих группах еще какую-нибудь байку замутят.

Маришка Хорошая: А ты постарайся, чтобы там никаких
Маш не маячило!

Иван Москвич: Думаю, это их не остановит. (пять улыбающихся смайликов)

Маришка Хорошая: Зато меня порадует!

Иван Москвич: Ну разве что только ради тебя (три красных сердечка)

Маришка Хорошая: Хотя... Как-то грустно стало. Я бы почитала что-нибудь новенькое. (три катающихся от смеха смайлика)

Иван Москвич: Возвращайся, и грустно не будет. Это я тебе обещаю. (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: Я подумаю.

Маришка Хорошая: Прямо сейчас пойду думать.

Маришка Хорошая: Целую.

Иван Москвич: Крепко целуешь?

Маришка Хорошая: Очень! (пять поцелуйчиков)

Маришка Хорошая: Поцелуй из Германии. Немецкий. Как французский, но ещё лучше. (подмигивающий смайлик)

Иван Москвич: Я тебя тоже целую, Мариш.

Иван Москвич: И жду.

Маришка Хорошая: (пять красных сердечек)

Иван Москвич: (семь красных сердечек)

Маришка Хорошая: (десять красных сердечек)

Иван Москвич: (несколько строчек красных сердечек и три восклицательных знака в конце)

Марина улыбнулась и вышла из аккаунта, а затем вошла в свой профиль под настоящим именем. Заглянула в их официальную группу, включила музыку и, налив бокал почти до краев, обхватила ладонями. Свет монитора бликами отражался в ее карих глазах, мягкая улыбка делала черты и без того красивого лица еще более привлекательными. Посидев пару минут, она встала и остановилась напротив окна в

нескольких метрах от него. На стекле обозначился расплывчатый силуэт худенькой девушки с доходящими до лопаток тёмными волосами.

– Ты не занята?

Негромкий голос мамы заставил ее обернуться. Марина покачала головой, отпила вино и улыбнулась.

– Выглядишь счастливой. – Видя блеск в глазах дочери, Яна тоже улыбнулась. – Что тебе такого Воронов написал, что ты светишься?

– Что скучает, – немного смущенно ответила Марина. – И что ждет меня.

– Конечно, ждет, глупенькая. – Мама погладила Марину по голове и тихонько вздохнула. – Ты как думала-то?

Казакова пожала плечиком и сделала маленький глоточек.

– Мы такие разные с ним...

– Какая же ты у меня еще глупенькая, – глядя на дочь добрым, мягким взглядом, нежно прошептала Яна. – Моя большая-маленькая девочка...

– Почему это я глупенькая? – в голосе Марины послышалась обида.

Яна вздохнула и, не ответив, взяла в руки бутылку. Шардоне... Белое, сухое.

– Ма-а-ам... – Марина хотела сказать что-то такое... что-то, чего сама до конца не понимала, но когда мама подняла на нее взгляд, лишь покачала головой и, взяв из бара еще один бокал, протянула ей.

Яна налила себе вина.

– За то, чтобы у вас все было хорошо, – сказала она, соприкасаясь своим бокалом с бокалом дочери.

Марина улыбнулась. Обе они думали в этот момент вовсе не о спорте, но ни одна не осмелилась озвучить этого. Яна подошла к ведущей на балкон двери и, открыв ее, вышла, а Марина присела на край постели и провела рукой по крышке ноутбука. Цедя мелкими глотками терпкое вино, Марина думала о том, что как только мама уйдет спать, она включит ноутбук и закажет обратные билеты до Москвы.

Глава 3

Италия, Милан, март

В Милан Ваня прилетел вместе с остальной сборной. Дома оставаться не было смысла, да и их тренеру, Марку Александровичу, помощь оказалась не лишней. Олимпийский сезон отнял много сил, а против возраста, что говорится, не попрёшь. Проводить дни напролёт у борта, когда тебе глубоко за семьдесят...

Взяв с ленты свой чемодан, Ваня отошёл в сторону и стал дожидаться остальных. Так сложилось, что друзей в сборной у него было много – как среди одиночников и танцевальных дуэтов, так и среди конкурентов. Спорт одно, а всё, что за пределами катка – другое. Именно поэтому он запросто общался с ребятами не только из России, но и из других стран, мог спокойно провести вечер в компании соперников.

Словно в подтверждение этого рядом с ним остановился Алексей Мартынов. На прошедшем в декабре чемпионате России они с партнёршей заняли четвёртое место и вошли в резерв сборной. Кто бы знал, что в последний момент им придётся отправиться на Олимпийские игры вместо лидеров...

– Как Маринка? – спросил Лёша с искренним участием.

– Да ничего, – ответил Воронов, опираясь на ручку своего чемодана.

Чемодан был большим – прогноз миланской погоды на ближайшие дни постоянства не предвещал. Солнце, дождь, ветер... Пришлось взять с собой куда больше одежды, чем хотелось.

– Передавай ей от меня привет.

– Заметив среди членов сборной собственную партнёршу, Лёша махнул ей рукой, и она, улыбнувшись, направилась к ним. Маленькая и светловолосая, она походила на синичку. Интересная пара. Только чего-то им вечно не доставало: техники, везения, лояльности судей... Ваня знал Лёшу уже очень давно – ещё с юниоров. Уже тогда они хорошо общались, а после и вовсе превратились в друзей. Общие интересы, взгляды... Лёша и к Марине относился искренне. В отличие от многих, считавших её слишком вспыльчивой, резкой и за спиной называвших стервой.

– Что-то устала я от перелёта, – призналась Ася, остановившись возле мужчин. Лёша забрал её чемодан и поставил возле стены.

– Хорошо стоите, – усмехнулась Даша Липатова, подходя к компании.

За ней подтянулась и Маша Матрёхина. Улыбнувшись ребятам, она встала рядом с Ваней. Ася достала телефон и сделала фотографию.

– Что такие рожи кислые? – тихонько засмеялась она, глянув на снимок. – Ещё раз!

Новое фото вышло куда лучше предыдущего, и Ася до-

вольно заключила:

- Другое дело. Потом отдала телефон Ване и попросила:
- Теперь нас с Лёшиком.

В итоге получился небольшой спонтанный фотосет. В инстаграм тут же посыпались снимки. Сезон был долгим, тяжёлым, и после перелёта многие ребята выглядели чуточку уставшими. Уставшими, но от этого не менее счастливыми. Даша взяла Ваню под руку, улыбнулась. Каждый из них держался за ручку своего чемодана. Будни... Ещё один сезон, ещё один аэропорт, ещё один чемпионат. После – долгожданный отдых, а потом заново. Вверх, не жалея сил, нервов, здоровья. К цели. Маша сделала фотографию на телефон Вани и вернула его ему. Снимок получился хороший – из окна на них падал свет, сзади виднелась табличка с названием аэропорта. Милан... Не хватало только Марины.

У выхода их уже ждал современный комфортабельный автобус. Тёмно-синий, с большими фарами, зеркалами, похожими на ушки животного и чистыми, блестящими на ярком солнце стёклами. Ваня прошёл в конец салона и устроился возле окна. Была бы сейчас с ним Маринка... Они не виделись уже два месяца, и за это время он соскучился по ней. Соскучился так, как никогда прежде. Столько лет вместе, а вот теперь... Осознание того, что всё может закончиться – закончиться неожиданно, вне зависимости от их собственных желаний, решений, словно бы разрушило какой-то ба-

рьер. Новое, старое... Ваня откинулся на спинку сиденья. Рядом с ним, в соседнее кресло, присел Лёша.

– Не против? – спросил он.

Иван лишь мотнул головой, затем посмотрел в окно.

– Всё наладится, – друг хлопнул его по бедру. – Вы с Маринкой ещё покажете.

– Чувствую себя говном в проруби, – признался Ваня. – Я тут, она где-то...

– Всё у вас будет, – повторил Лёша, и когда Ваня внимательно посмотрел на него, ответил твёрдым, уверенным взглядом. – Вы молодцы, что решили продолжать.

Германия, Мюнхен, март

Очередной вечер медленно, но верно подходил к концу. Сумерки уже сгустились, заволокли улицы, и темень теперь разбавляли огоньки проезжающих автомобилей, свет фонарей и отблески неоновых вывесок.

Задержав шторы, Марина отошла от окна и присела на постель. С грустью посмотрела на свою правую ногу, пошевелила напедикюренными пальчиками и поджала губы. Физиотерапия приносила свои результаты, нога выглядела вполне прилично, но... В общем, не сказать, чтобы все было плохо, но процесс восстановления шел куда медленнее, чем ей бы хотелось.

На кровати стоял раскрытый ноутбук, лента инстаграма

пестрила всевозможными фотографиями. Бесцельно полистав обновления, она открыла другую вкладку. В списке новых уведомлений значилось несколько ответов на ее недавний комментарий в официальной группе, несколько отметок «мне нравится», в личке висело одно новое сообщение, которое она тут же открыла и прочитала. Немного подумав, написала в ответ пару фраз и снова зашла в группу. Там, впрочем, не нашлось ничего нового. Только несколько новых пожеланий выздоровления. Болельщики писали, что ждут их с Ваней, желали скорейшего возвращения в строй. Ох, знал бы кто, как ей самой не терпится оставить уже все эти невзгоды позади и рвануть в бой! Она внимательно прочитала все слова поддержки и мысленно поблагодарила людей, написавших их. Марина крайне редко лайкала такие посты, отвечала же еще реже, но никогда не преуменьшала для себя их важность. Она чувствовала поддержку людей, переживающих за нее, и была благодарна им.

В соседней комнате мама смотрела какую-то передачу. Было слышно негромкое, почти успокаивающее бормотание телевизора, но идти туда ей не хотелось. Милан... Вот где ей хотелось сейчас быть, но...

С минуту она смотрела в монитор ноутбука, а затем вышла из официального профиля и тут же вошла под другим именем. Информации на этой страничке было немного – имя, список групп, несколько видеозаписей и десятка три аудио.

Вначале она хотела включить музыку, но передумала и, открыв сообщения, зашла в первый и единственный диалог.

Маришка Хорошая: Что за фотка с Липатовой???

Маришка Хорошая: Эй!

Маришка Хорошая: Передай Мартынову, чтобы держал Аську от тебя подальше. (подмигивающий смайлик, смайлик, закатывающий глаза)

Подождав минут пять, она приуныла и, написав смс, отложила телефон в сторону. Милан... А она тут, ходит от стенке к стенке и развлекает себя просмотром чужих фотографий. Вот бы почувствовать твердость льда под острыми лезвиями коньков, ощутить на лице встречный ветер...

Иван Москвич: По-моему, я не кусаюсь. (улыбающийся смайлик)

Маришка Хорошая: Не-а, не кусаешься. Но твой чемодан доверия не вызывает.

Иван Москвич: А что с ним не так?

Маришка Хорошая: М-м-м... Вот ты мне и ответь. (недовольный смайлик)

Маришка Хорошая: Мне тут плохо, а ты...

Маришка Хорошая: Осталось только Матрёшку до кучи!

Иван Москвич: Боже, дай мне сил! (смайлик, закатывающий глаза)

Маришка Хорошая: Бе-бе-бе.

Иван Москвич: Что, совсем скучно, да?

Маришка Хорошая: Угу. Вы все фотками дразнитесь, а я

тут... (три плачущих смайлика)

Иван Москвич: Ребята все про тебя спрашивают, приветы передают. Не грусти.

Иван Москвич: Так что с моим чемоданом не так? (смайлик, показывающий язык)

Маришка Хорошая: Не пойму, на кой тебе такой огромный?! Партнёршу решил у кого-нибудь тиснуть?

Маришка Хорошая: Ва-а-ань...

Маришка Хорошая: ???

Маришка Хорошая: Не нравится мне твое молчание.

Маришка Хорошая: Ты там чем занимаешься вообще?!?!

Иван Москвич: Да вот...

Иван Москвич: Уфф...

Маришка Хорошая: ?????

Иван Москвич: Всё

Иван Москвич: Засунул! (три широко улыбающихся смайлика)

Иван Москвич: Партнершу новую.

Маришка Хорошая: (три смайлика, закатывающих глаза)

Маришка Хорошая: Смотри, до Москвы она у тебя залежится... Потом непригодная станет.

Маришка Хорошая: Ноги кривые, руки кривые... Еще и нос на бок съедет... (три смеющихся смайлика) Придется с такой кататься.

Иван Москвич: Блин! (пять задумчивых смайликов)

Иван Москвич: А что ты мне сразу-то не сказала?!

Маришка Хорошая: Вот еще!

Маришка Хорошая: Я то думала, ты верный, а ты...

Маришка Хорошая: Все в чемодан тащишь!

Маришка Хорошая: Вот они – мужики! (обиженный смайлик)

Маришка Хорошая: Ты где есть?

Маришка Хорошая: Вань???

Маришка Хорошая: Ваня-я-я-я-я!!!!

Иван Москвич: Всё. (довольный смайлик)

Маришка Хорошая: Что на этот раз??? Ты еще одну туда засунул??? (кричащий от ужаса смайлик)

Иван Москвич: Не, эту достал.

Маришка Хорошая: А-а-а. (улыбающийся смайлик)

Маришка Хорошая: Есть мужчины в наших селеньях!

Иван Москвич: А то! (большие пальцы в верх)

Маришка Хорошая: Сам себя не похвалишь – никто не похвалит. (улыбающийся смайлик)

Иван Москвич: Так от тебя разве дождешься?!

Маришка Хорошая: Может, и дождешься. (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: Вань, а я билет обратный купила...

Иван Москвич: На когда?

Иван Москвич: Мариша???

Иван Москвич: Маришк!

Иван Москвич: Ты это специально?!

Марина включила маленький чайник, стоящий на уголке стола, и засмотрелась на голубоватую подсветку. С интервалом в несколько секунд раздалось три звуковых сигнала, оповещающих о входящих сообщениях, но Марина не спешила читать их. Ее одолевали странные чувства: с одной стороны, она осознавала, что перерыв пошёл ей на пользу. Благодаря преждевременному окончанию сезона она смогла залечить не только новую, но и старые травмы. Но вот с другой... Если бы это был не олимпийский цикл. Всё бы было иначе. А теперь... Время, время, время... Как много времени они уже потеряли и снова... снова теряют это проклятое время! Марина налила себе чай и вернулась к компьютеру.

Маришка Хорошая: У меня чай.

Маришка Хорошая: Есть толком нельзя, гулять осторожно... Хнык (плачущий смайлик)

Иван Москвич: Когда ты прилетаешь?

Иван Москвич: Я тебя встречу!

Маришка Хорошая: Не надо, Вань.

Маришка Хорошая: Я страшная, голодная и злая. (чертик с рожками)

Иван Москвич: Ну не, не наговаривай. (три красных сердечка)

Иван Москвич: Точно не страшная

Иван Москвич: Голодная... Ну подумашь! Я тебя уже какой только не видел – не страшно. Купим тебе отрубей. (под-

мигивающий смайлик)

Иван Москвич: И гречневых хлебцев.

Иван Москвич: Так что не отвертись! (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: То есть все-таки злая, да???

Маришка Хорошая: Вот так?!

Иван Москвич: Хм... (задумчивый смайлик)

Иван Москвич: Да я решил, что спорить с девушкой как-то неприлично.

Иван Москвич: надо же хоть в чем-то уступить.

Маришка Хорошая: Ну и говнюк же ты!

Маришка Хорошая: То есть я по-твоему злая?

Маришка Хорошая: А не сдать ли мне билет?..

Иван Москвич: А это было обидно, между прочим! (обиженный смайлик)

Маришка Хорошая: 1:1

Маришка Хорошая: Кстати, в группах тебя четвертовать хотят.

Маришка Хорошая: пойду поддержу, раз все равно злая.

Иван Москвич: За что????

Маришка Хорошая: За то, что шастаешь со всякими. А партнёрша брошенная. (плачущий смайлик, усмехающийся смайлик)

Маришка хорошая: В депрессии, со сломанной ногой!!!

Иван Москвич: Она у тебя уже не сломанная (подмигивающий смайлик)

Маришка хорошая: Не суть (задумчивый смайлик)

Иван Москвич: Я уже с тоской вспоминаю те времена, когда фигурное катание не было столь популярным... (задумчивый смайлик)

Иван Москвич: Никому до нас дела не было. А теперь каждую фотографию разберут...

Маришка Хорошая: А ты не выкладывай палевные фотографии! (смеющийся смайлик)

Иван Москвич: Я скоро установлю на твой комп «родительский контроль»!

Иван Москвич: Чтобы мозги не засоряла

Иван Москвич: Ты это... может, закачаешь себе Санта-Барбару? Там, говорят, на долго хватает...

Маришка Хорошая: Все, билеты сдала.

Иван Москвич: Что я там говорил?

Иван Москвич: Ты не злая, ты просто вредная. (смеющийся смайлик)

Маришка Хорошая: Тебе не стыдно?

Маришка Хорошая: У меня ножка болит, депрессия, а ты еще и издеваешься. (грустный смайлик)

Иван Москвич: Хочешь, куплю тебе новое платьюшко? (пять смеющихся смайликов)

Иван Москвич: Не, лучше купальник. (пять смеющихся смайликов)

Маришка Хорошая: Лифчик и трусы.

Маришка Хорошая: И только попробуй промахнись с раз-

мером! (пять смеющихся смайликов)

Иван Москвич: Ок. Но учти, наденешь на первую же тренировку. (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: Заметано. (смайлик, посылающий воздушный поцелуй)

Иван Москвич: Хм....

Иван Москвич: Сама напросилась.

Маришка Хорошая: Я вообще-то пошутила.

Иван Москвич: А я нет. (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: Только попробуй!

Иван Москвич: Попробую, даже не сомневайся. (три красных сердечка)

Маришка Хорошая: Р-р-р!

Маришка Хорошая: Только не стринги!!!!!!

Иван Москвич: М-м-м, хорошая идея. (три чертика с рожками)

Маришка Хорошая: Подаришь их Липатовой. Или Матрёшке.

Иван Москвич: Так Липатовой или Матрёшке?

Маришка Хорошая: Обеим. Будут по очереди носить. (три катающихся от смеха смайлика)

Иван Москвич: Так когда тебя встречать?

Маришка Хорошая: Не скажу. (усмехающийся смайлик. Это будет сюрприз)

Иван Москвич: Марина...

Иван Москвич: Ну хватит тебе. Я и так по тебе соскучил-

ся.

Маришка Хорошая: Ага. Читала я, как ты соскучился. Ты от меня вроде как отдыхаешь.

Иван Москвич: А ты от меня нет?

Маришка Хорошая: Я с разными-всякими не фотошлепаюсь на каждом углу!

Иван Москвич: Так то ж типа моя невеста. (пять смеющихся смайликов)

Маришка Хорошая: Вот и отлично!

Маришка Хорошая: Совет да любовь!

Маришка хорошая: Попроси у её увальня одолжить тебе пиджак с блёстками на свадебную церемонию. Тот, в котором он в прошлом сезоне произволку катал. Шикарно будете смотреться.

Иван москвич: Спасибо за совет. (смайлик, посылающий воздушный поцелуй) Обязательно воспользуюсь.

Маришка Хорошая: Не за что. Обращайся.

Маришка Хорошая: Если решишь на Матрёшке жениться, я тебе еще что-нибудь посоветую.

Иван Москвич: Не сомневаюсь!

Маришка Хорошая: Вань, я в Милан хочу... (три грустных смайлика)

Иван Москвич: Съездим как-нибудь, если захочешь.

Иван Москвич: А на мир забей. У нас лучше будет.

Маришка Хорошая: Обещаешь?

Иван Москвич: Я в это верю. И ты должна верить.

Маришка Хорошая: Если ты веришь, то и я верю.

Иван Москвич: вот так-то лучше. (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: С тобой у меня настроение лучше становится. (три красных сердечка, три смайлика, посылающих воздушны поцелуй)

Иван Москвич: (Пять красных сердечек)

Маришка Хорошая: Купи себе пару белых рубашек. Они тебе идут. И пару черных.

Иван Москвич: Я подумаю. (улыбающийся смайлик)

Маришка Хорошая: Ну пожа-а-алуйста! (человек со сложенными вместе ладошками)

Иван Москвич: А ты обещаешь больше не грустить?

Маришка Хорошая: Если ты пришлешь мне фотку из при- мерочной кабинки! (смеющийся смайлик)

Иван Москвич: (Смайлик, закатывающий глаза)

Иван Москвич: Иди спать, а?..

Иван Москвич: Но я подумаю над твоим предложением. (подмигивающий смайлик)

Маришка Хорошая: Спокойной ночи. (три красных сердечка)

Маришка Хорошая: Подумай обязательно.

Иван Москвич: И мое предложение насчет аэропорта в силе.

Маришка Хорошая: Хорошо, я тоже подумаю.

Иван Москвич: (десять красных сердечек)

Иван Москвич: Спокойной ночи. Хочу, чтобы ты улыбалась.

Маришка Хорошая: Спокойной ночи, Вань. (семь красных сердечек)

Марина отправила крайнее сообщение, подождала еще пару минут, но Иван больше ничего не написал. Вздохнув, она вышла из аккаунта и зашла в обычный профиль. Несмотря на легкий осадок грусти, на душе было спокойно. Допив остывший чай, она поставила чашку на тумбочку и выключила ноутбук, даже не посмотрев, есть ли у нее новые уведомления и сообщения в основном профиле. Телефон издал короткий звуковой сигнал, и Марина, взяв его, прочитала пришедшую СМС. «Сладких снов, моя вредная единственная партнерша». Улыбнувшись, она отправила в ответ красное сердечко и положила сотовый рядом с чашкой. А может, она просто придумала себе что-то и поверила в это? Они ведь такие разные...

Телефон снова издал короткий звонок. Пять красных сердечек от Вани. Она улыбнулась. А может, все же...

Глава 4

Россия, Москва, март

Она была дома уже четыре дня, но почему-то так и не решилась сказать ему об этом. Почему – не знала сама. Брала в руки телефон, выбирала его в списке контактов и... И все. Вначале убеждала себя, что ему нужно отдохнуть после поездки в Милан, потом находила еще какие-то дурацкие поводы, а в конце концов поняла, что просто не знает, что сказать. И, вроде бы, простого «я в Москве» было бы вполне достаточно, но нет. Эта фраза провисала, застывала в воздухе бесконечным многоточием и упиралась в бессмысленность. Ну вернулась она, а дальше что? Раньше конца апреля на лед выйти она не сможет, а это значит, что и поводов встречаться у них как таковых нет. Ну приедет он, ну посидят они за чашкой дежурного чая, а дальше что?! Раньше она не задавалась подобными вопросами, а теперь откуда-то взялась странная, глупая неловкость. Еще и мама добавила масла в огонь, растравила душу. Все эти ее снисходительно-понимающие улыбки, взгляды...

Марина видела Ваню в онлайнe, но ждала, не писала. И он тоже не писал. День, два, три... Она заходила в контакт и под своим настоящим именем, и под вымышленным, о котором не знал никто, кроме него, но он все равно не писал. И все, что было раньше, все эти намеки, додумки, постепенно пе-

реставляли казаться тем, чем казались изначально. Ни к чему не обязывающий флирт, дурацкие заигрывания, где вместо слов остаются пробелы и глупые смайлики. И что из того, кто из них наставил больше красных сердечек? Простая игра, чтобы отвлечься и поднять друг другу настроение – ничего больше. Чем больше она думала об этом, тем очевиднее это становилось. Сама себе напридумывала чего-то и сама поверила. А на деле все у них как всегда. Заживет у нее нога, и начнется монотонная работа. Выбросы, подкруты, поддержки... Вот и все, что есть между ними.

Телефон молчал, по телевизору шел очередной выпуск новостей, больше похожий на нарезку из низкосортного триллера, смешанного с фильмом ужасов. Разбавляли сводку разве что обыденные политические новости. Обещания-обещания-обещания... Бла-бла-бла... Она вспомнила о купленном в Дюти фри Бордо. Душу затапливало сожаление о собственной глупости. Но она давно привыкла оставлять разочарования позади, так почему бы не поступить так же и на этот раз? Сильные девочки не плачут. Сильные девочки стискивают зубы и, вздернув подбородок, смотрят вперед. Сильные девочки зализывают раны в одиночестве. Вот он – удел сильных девочек. А она считала себя сильной.

Багряная струйка потекла по стенке бокала, оставляя за собой бледные разводы. Поднеся бокал к лицу, Марина вдохнула и почувствовала терпкий виноградный аромат, напоминавший ей о призрачном счастье. Внутри стало пусто, но она

не чувствовала ни боли, ни злости. Только грусть и разочарование. Нога почти не болела – только на смену погоды. Но врачи предупредили, что давать большие нагрузки пока не стоит – нужно дать кости как следует срастись и входить в привычный ритм постепенно, аккуратно. Как же ей надоело все это «постепенно и аккуратно»! Вначале одно, потом другое...

Новости закончились, и на экране замелькали необременённые глубоким интеллектом лица публичных див. Она выключила звук и, допив бокал до конца, налила второй, а потом и третий. Стало немного жалко себя, и это чувство вызвала в ней бурю протеста.

Она нашла в стопке старых dvd дисков мелодраму с хорошим концом, сунула в плеер и нажала на воспроизведение. От вина стало тепло и щекотно, хотелось улыбаться. Все вдруг раскрасилось в пурпурно-розовые тона, скрывая и белые солевые разводы на асфальте, и потемневшее небо, и лысые деревья. Она смотрела на главного героя и чувствовала какую-то грызущую тоску, смотрела на главную героиню, и пурпурно-розовый сменялся грязно-серым, шуршащим и охрипшим. Надо же, у цвета бывает запах и вкус...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.